Пластинина (урожденная Алина) Полина

В конце двадцатых начале тридцатых годов мы жили в деревне Каштаково Зырянского района Томской области. Семья у нас была большая: дедушка, бабушка, отец, мама и семеро нас, детей. Старшему, Ване, было 17 лет, мне - 13. Остальные дети были младше меня. Как хорошо было нам, детям, в нашем большом доме, среди родных людей! А счастье нас учили с детства понимать как череду крестьянских трудов и праздников.

Да только пришло лихолетье и разбило всю нашу жизнь вдребезги.

Еще в 1928 году отец начал организовывать в нашей деревне товарищество по совместной обработке земли и его выбрали председателем этого товарищества. Начали жить коммуной. А в 1929-30 годах началась чистка коммуны, и моего отца неизвестно за что, без всякой вины исключили из коммуны. А инвентарь и скот не вернули. Вскоре отца лишили прав гражданства, выгнали нас всех из нашего дома, отобрали все имущество. Мы поселились в какой-то заброшенной развалюхе на краю деревни, остались без всяких средств к существованию. Жили тем, чем помогали нам наши родственники.

Дедушка и бабушка не выдержали всего этого и вскоре умерли. Но впереди было еще главное горе: в 1930 году арестовали отца и увезли в Томск, в тюрьму.

Мама решилась послать меня, тринадцатилетнюю девочку, одну в Томск — искать отца. А что было делать? Мы так все любили нашего папу! Да и как нам было оставаться без него - нашего хозяина и кормильца?

И вот я на пароходе «Тоболяк» еду в Томск. Как тревожно и тяжело на душе! Страшно одной среди чужих людей, пугает то, что мне предстоит. И в голове все один и тот же вопрос: за что? За что арестовали отца и разрушили нашу хорошую жизнь?.. Теперь-то я знаю, что в то черное время многие миллионы людей задавали себе этот вопрос и не находили ответа.

Приехала я в Томск. Господи, даже сейчас страшно вспомнить, как я, девчонка, искала в городе тюрьму, где сидит мой отец. И ведь нашла. Это были несколько каменных изоляторов по Иркутскому тракту. Целых две недели ходила я вокруг них и просила тюремщиков дать мне свидание с отцом - безрезультатно! Ночевать я ездила на железнодорожный вокзал, а утром опять сидела у ворот тюрьмы, рядом с родными других заключенных. Все на свете готова я отдать, чтоб больше никогда ни с кем этого не повторилось.

Наконец, из разговоров таких же людей, как я, услышала, что скоро заключенных будут гонять на разгрузку леса на реку Томь, а некоторых - на Каштак. Каштак! То же ласковое имя, что и у нашей родной деревни. Да только позже я узнала, что заключенных гоняли туда рыть себе могилы!

Вот уже третью неделю сижу у ворот тюрьмы. Грязная, похудевшая, измученная. Но однажды все-таки ворота тюрьмы открылись и заключенных начали выводить большими партиями, в 800 - 1000 человек, по пять человек в ряду. Прошла первая, вторая, третья партия. У меня голова заболела от напряжения: ведь мне на каждого проходящего нужно было взглянуть хоть на миг - не отец ли? И вот в четвертой пятерке четвертой партии я увидела отца! Вот он, вот он! А рядом с ним идет наш чердатский поп Клавдии Сергей Федорович. И наш каштаковский мужик, однофамилец, вечный батрак Алин Кузьма Иванович... Какие же все они измученные!

Я побежала за этой партией по обочине дороги. Колонна свернула по переулку (не помню, какому) к Томи. Переулок узкий, рядом бежать не получилось, пришлось мне отстать, идти позади колонны. Потом началось болото. Заключенные шли по гати, а я сбоку лезла по болоту. Конвоиры мне грозили, даже стреляли для острастки, но я лезла, лезла...

И вот я стою на 6берегу как заключенные на плоту лес. Я вижу своего отца и снова прошу стражников дать мне хоть минуточку поговорить с отцом. Где там! И тут я вспомнила, что в поясе у меня зашито как раз на такой случай золотое колечко. Я сняла

пояс, распорола его зубами и отдала кольцо начальнику конвоя. И ведь помогло! Взял! И вот мой отец сходит ко мне с плота. Он схватил меня на руки - такая я стала легкая. Нужно было спешить. Отец сказал мне, что его обвиняют в агитации против Советской власти - статья 58, п. 10. Он наказал мне, чтобы я по возвращении домой просила односельчан написать бумагу о том, что он никогда не занимался агитацией против Советской власти, напротив, всегда был за нее, и собрать 500 подписей под этой бумагой. Успел отец мне рассказать, что в тюрьме их очень плохо кормят, на допросах сильно бьют, велят признаваться в несовершенных преступлениях.

Свидание наше было коротким, меня снова начали гнать с берега. Один из заключенных крикнул мне: «Вот, дочка, все мы здесь сидим совершенно ни в чем невиновные, а нас истязают и морят голодом. Дочка, расскажи об этом всем».

Вот, настало время рассказать об этом всем. Но слова отца и этот крик его товарища по несчастью всю жизнь стояли у меня в ушах и отзываются в сердце болью.

Каким-то образом удалось мне попасть на пароход, вернуться домой. Рассказала я все маме, и пошли мы с ней по нашей деревне, по соседней Малиновке - собирать подписи в защиту отца. Нужно отдать долг справедливости нашим землякам - бумагу они подписывали, не отказывались.

Собрали мы 500 подписей. И снова я в Томске, у ворот тюрьмы, пытаюсь дать ход бумаге. Мне отвечают: Алин Михаил Гаврилович убыл. Спрашиваю: куда? Не отвечают. А люди, которые тоже добивались свидания со своими родными, сказали мне: иди на Каштак, туда сегодня ночью увезли большую партию заключенных, расстреляли и зарыли в готовые ямы...

Вместе с другими пошла я, чуть живая от горя, на этот Каштак, на это место. И действительно, там были свежезарытые ямы-могилы. Но кто в них и в какой из них мой отец, я до сих пор не знаю.

Вернулась я домой, в Каштаково. Что было нам делать? Страшно сложилась, а вернее, разрушилась жизнь нашей оставшейся семьи. Жить было негде и нечем. Не было и документов, чтобы устроится где-то на работу. Мама от горя и голода начала болеть. Потом заболели корью младшие Нюра, Аля и Лина - а мы с матерью ничем не могли им помочь! Ни лекарств, ни денег. Нюра умерла и целую неделю лежала среди нас, живых, пока-то кто-то сколотил ей гроб!

Аля и Лина выжили. Когда они поднялись на ноги, я увезла их в Томск, посадила в какой-то поезд, а сама слезла. И уехали они неизвестно куда, и до сих пор я ничего не знаю о них. Только надеюсь, все эти годы, что судьба их была более счастливой, чем у бедной Нюры и у другой, умершей от голода сестренки. Осталось нас на свете двое сестер, я и Людмила, - и то, слава богу. Да брат двоюродный отыскался, семнадцать лет отбыл в концлагерях... Переписываемся, вспоминаем прошлое...

Да, сколько мне пришлось скитаться и мыкаться, прежде чем удалось как-то зацепиться за жизнь! Ведь не было ни денег, ни документов. Узнала я почем фунт лиха...

Да что там! Теперь-то жизнь наладилась. У меня своя семья - муж, две дочери. Вот только прошлого не забыть - огнем обжигает сердце. И по-прежнему мучит тот проклятый вопрос: за что была так разбита жизнь нашей семьи? И всей нашей родни ? И всей нашей родной деревни, которой теперь нет вовсе? И еще очень хочется узнать, где же все-таки похоронен мой отец?